

СТРАТАГЕМНАЯ ТЕОРИЯ ЧЖАО ЖУЯ

В статье анализируется социально-философская концепция мыслителя, жившего в период правления династии Тан Чжао Жуя (Zhao Rui). Основой философской доктрины Чжао Жуя являются социальный релятивизм и диалектический метод. Показана его методология анализа исторических событий, ставших образцами для создания и использования стратагем правителями Китая. Его философские взгляды включают целостный комплекс ценностных представлений, ставших в дальнейшем философской и мыслительной основой формирования стратагемного мышления.

Ключевые слова: Чжао Жуй, стратагемное мышление, диалектический метод.

Автор социально-философского трактата «Чжан дуань цзин» (长短经) Чжао Жуй (赵蕤), имевший первое официальное имя Тайбинь (太宾), второе – Юньцин (云卿), прозвище – Учитель с восточного берега (东岩子) – практически неизвестный российскому востоковедческому сообществу мыслитель, живший при династии Тан [Завьялова, 2002]. В источниках о нем сохранилось очень мало данных. По версии некоторых исследователей, он был потомком известного ханьского канониста и комментатора «Книги перемен» Чжао Биня (赵宾). Тем не менее, по данным авторитетного исследователя и комментатора трактата Чжоу Биня (周斌) из КНР, начиная с периода правления династии Сун, под разными названиями трактат упоминается практически во всех серьезных библиографических описаниях [Чжоу Бинь, 2003. С. 630]. Самые ранние его упоминания – в сборнике *бицзи* периода правления Пяти династий Сунь Гуансяня (孙光宪) «Подробно записанные речи из Северного Мэна» (北梦琐言)¹ и в библиографическом разделе «Новой истории династии Тан». Трактат вошел также в «Аннотированный сводный каталог полного собрания книг четырех хранилищ», составленный при династии Цин. Создан трактат в четвертый год правления под девизом «Кайюань» танского императора Сюань-цзуна (716 г. н. э.).

Пожалуй, одним из самых внимательных и вдумчивых читателей трактата был император Хунли, правивший под девизом Цянлун. При составлении «Каталога» он лично написал краткую стихотворную аннотацию на трактат, текст с подстрочником которой приводится ниже:

鄆县创为救弊论，

В уезде Ци было создано рассуждение о спасении от пороков-злоупотреблений,
爱憎殴业匠和函。

Любовь и ненависть – результат борьбы профессий, как у ремесленников и оружейников

¹ Сам Сунь Гуансянь в предисловии так объясняет выбранное название: «В главе “Заслуги Юя” из “Книги истории” говорится: “Город Мэн в землях Юнь”. В “Цзочжуани” сказано: “Охотился в области Мэн Цзяннани”. Я живу на севере области Цзиньцзян, поэтому и выбрал название “Подробные речи из Северного Мэна”».

向时虽类纵横说，

В прежние времена хоть и относили к рассуждениям школы дипломатов
忧未原归理道谈。

Сомнения закончились и вернулись к изначальному разговору о Принципе и Пути
宋刊彝自教忠堂，

Сунское печатное издание появилось из «Зала обучения преданности»
通变称经曰短长。

Чтобы чутко реагировать на перемены, назвали канон «О длинном и коротком»
比及乱时思治乱，

Чем во время смуты надеяться усмирить беспорядки
不如平日慎行王。

Не лучше ли в спокойное время строго следовать пути государя?
卷原称十今失一，

Изначально было десять свитков, сейчас один утерян,
总目翻看余一篇。

Если посмотреть на содержание – больше на одну главу.
既是梓州善经济，

Хоть (человек из) Цзычжоу хорошо знал искусство управления
不应辟召又何焉。

Не ответил на призыв служить, о чем же тут говорить? [Чжао Жуй, 2004. С. 2]

Каким бы не парадоксальным казалось данное утверждение, но в этом коротком стихотворении перечислены все связанные с биографией и творчеством Чжао Жуя проблемы, являющиеся актуальными и в наше время.

Первая группа вопросов – биографические. В первой строчке упоминается уезд Ци (鄜县), в предпоследней – Цзычжоу (梓州). В «Подробно записанных речах из Северного Мэна» и в предисловии к сунскому ксилографу, изданному фирмой «Культура» (文物出版社) в 1993 г., Чжао Жуй назван жителем уезда Ци в Цзычжоу (находится в современной провинции Сычуань, уезде Саньтай), по другим источникам, он является жителем уезда Яньтин.

Особенно интересны для характеристики Чжао Жуя две последние строки – «Хоть (человек из) Цзычжоу хорошо знал искусство управления, не ответил на призыв служить, о чем же тут говорить?» В свое время Чжао Жуй был достаточно известным человеком. В дошедших до нас источниках высоко оценивается как его уровень образованности, так и степень признания современниками. Живший во времена танского Сюань-цзуна чиновник Су Тин (苏颢), занимая должность уездного регистратора при губернаторе Ичжоу (益州), написал доклад трону о талантливых людях области Западная Шу, в котором упомянул «искусство счета Чжао Жуя и литературные произведения Ли Бо». Сунь Гуансянь утверждает, что Чжао Жуй «имел обширные знания в канонах по военному делу, выделялся в науке управления миром, был искусен в учении школы дипломатов» (博学韬钎,长于经世,善为纵横学). Несмотря на образованность и известность, мыслителя абсолютно не привлекала чиновничья карьера. В «Подробно записанных речах из Северного Мэна» говорится, что Чжао Жуй дважды был призван ко двору, но оба раза отказался от приглашения. Государственной службе он предпочел жизнь отшельника *иньши* – остался жить в уезде Ци, занимался приручением и дрессировкой птиц, которые слетались к нему на зов стаями и брали корм с ладони. Такая способность вызывала у окружающих чувство удивления и восхищения. Еще один автор, упоминавший Чжао Жуя – Ян Тяньхуэй (杨天惠), живший при династии Сун. В сборнике

заметок «Прояснение дел, давно минувших» (彰明逸事) он утверждает, что «Чжао Жуй, живущий возле реки Тунцзян, обладает рыцарским духом и благородством» (潼江赵蕤, 任侠有气). До наших дней дошли разрозненные упоминания о том, что некоторое время великий танский поэт Ли Бо был учеником Чжао Жуя. Своего учителя он тепло вспоминал всю жизнь, в «Полном собрании сочинений Ли Бо» есть несколько посвященных ему стихотворений. Даже по этим разрозненным и очень скудным данным о философе мы можем представить человека, обладавшего яркой индивидуальностью и личной привлекательностью. Также можно предположить, что Чжао Жуй обладал твердой и ясной жизненной позицией. Не удивительно, что император Хунли так недвусмысленно выразил сожаление о его нежелании служить государству в своей стихотворной аннотации.

Вторая группа вопросов – текстологические. О них говорится в строке «Сунское печатное издание появилось из “Зала обучения преданности”». Действительно, самый ранний дошедший до нашего времени печатный вариант трактата был издан при династии Южная Сун. «Зал обучения преданности» – это название кабинета известного в свое время художника и каллиграфа Ли Шоуцяня (励守谦), жившего во времена правления династии Цин. В 1745 г. он получил высшую ученую степень *цзиньши*. Именно в его личной библиотеке хранилось одно из самых ранних изданий трактата Чжао Жуя, которое он передал в императорскую библиотеку во время составления «Каталога по четырем разделам» [Чжоу Бинь, 2003. С. 621–622]. Больше всего дискуссий вызывает реальный объем и структура памятника. Действительно, в современном издании «Чжан дуань цзина» девять цзюаней и 64 главы. В первом же библиографическом описании из соответствующего раздела «Новой истории династии Тан» упоминается десять свитков и 63 главы. Поэтому строки из стихотворения императора «изначально было десять свитков, сейчас один утерян, если посмотреть на содержание – больше на одну главу» особых комментариев не требуют. Основная дискуссия идет вокруг исчезнувшей главы «Тайные планы» (阴谋) – действительно ли она была утеряна, или в процессе переписывания была нарушена изначальная структура памятника. В настоящее время научное сообщество не располагает данными для окончательного решения этой проблемы.

Третья группа проблем – идейная идентификация трактата, то есть вопрос о его принадлежности к той или иной философской школе. В кратком описании, сделанном Цзи Сяоланем для «Каталога по четырем разделам», говорится, что изначально трактат относится к школе дипломатов (纵横家), на что указывает терминологический биньом «长短», который ассоциируется в первую очередь с «Планами сражающихся царств», отредактированных Лю Сяном². Некоторые библиографы относят трактат к школе эклектиков, наряду с «Веснами и осенями господина Люя» и «Философами из Хуанани». Для такой идентификации тоже есть свои основания, в первую очередь содержательные. В трактате встречаются ссылки на представителей самых различных, зачастую противоборствующих идеологических течений. В трактате можно встретить цитаты из «Речей и бесед» Кофуция, «Дао дэ цзина», Сюнь-цзы, Хань Фэя, «Военного искусства Сунь-цзы», «Шести стратегий Тай-гуна», «Трех стратегий Хуанши-гуна» – и это далеко не полный список. Может сложиться впечатление, что трактат Чжао Жуя – произведение не просто эклектичное, он представляет из себя пеструю мозаику разрозненных цитат. Иногда может казаться, что автор отрицает какие бы то ни было авторитеты, особенно показательна в этом отношении глава 14 – «За и против» (是非), в которой он приводит цитаты из авторитетной классики с абсолютно противоположным смыслом. Ниже приведены несколько примеров из самого трактата.

Аргумент «за». В разделе «Книги песен» «Большие оды» говорится: «Только поняв разницу между добром и злом, можно сохранить себе жизнь». В «Книге перемен» сказано: «Самая большая добродетель между Небом и Землей – сохранение жизни».

Аргумент «против». В «Речах и беседах» Конфуция говорится: «Благородный человек не щадит жизни в преодолении опасностей». Там же сказано: «Благородный муж пожертву-

² Подробнее см.: [Завьялова, 2002].

ет жизнью ради человеколюбия, но не поступится человеколюбием ради спасения жизни» [Чжао Жуй, 1997. С. 245]

Аргумент «за». Конфуций говорит: «Благородный муж не вмещает все, как сосуд. Только истинный мудрец объемлет всю тьму вещей».

Аргумент «против». Ле-цзы говорит: «Даже Небо и Земля не всемогущи, мудрец тоже не всемогущ, вся тьма вещей не обладает безграничными возможностями. Поэтому Небо только и может, что покрывать весь мир, Земля только и может, что сохранять форму, мудрый только и может, что обучать других» [Там же].

В этом контексте достаточно прозрачен смысл строчки стихотворения императора Хунли «В прежние времена хоть и относили к рассуждениям школы дипломатов», но совсем неясно, почему «сомнения закончились и вернулись к изначальному разговору о Принципе и Пути». Все становится на свои места, если учесть издательскую и комментаторскую традицию. В разных произведениях и библиографических описаниях трактат выступает под разными названиями, всего их встречается четыре. Самое первое, которое упоминает Сунь Гуансянь – «Канон “длинного и короткого”» (长短经). Далее он поясняет, что в этом трактате описан «путь государя и гегемона» (王霸之道), т. е., говоря современным языком, легитимные и нелегитимные технологии захвата и удержания власти. Второе название, под которым трактат фигурирует в библиографических разделах «Новой истории династии Тан» и «Истории династии Сун» – «Искусство уравнивать достоинства и недостатки» (长短要术). Чжоу Бинь дает такое объяснение изменения названия: «В средние века “канонами-цзин” называли только базовые классические конфуцианские сочинения, входившие в “Тринадцатикнижие”». Составитель “Новой истории династии Тан” Оуян Сю – последователь официального конфуцианства до мозга костей – не мог нарушить запрета власти на именованье “канонами” любого другого произведения» [Чжоу Бинь, 2003. С. 618]. Добавление в название трактат иероглифа искусство – *шу* автоматически принижало его статус и вызывало ассоциации скорее с более практическими и менее статусными областями прикладного знания. Тенденция исправить ситуацию отразилась в третьем названии – «Конфуцианский канон управления миром, путем уравнивания достоинств и недостатков» (儒门经济长短经), оно встречается в рукописных копиях трактата начиная с династии Сун, особенно много их появляется в период правления династии Цин. Четвертое название, которое условно можно перевести как «Канон об обратной стороне вещей» (反经), чаще всего встречается в изданиях памятника, увидевших свет на материковой части КНР. Вероятнее всего, это название было перенесено с третьей главы на все произведение в рекламных целях. Изрядную вольность издателей в обращении с текстом и названием памятника отмечают и другие исследователи, сосредоточившие свои усилия на изучении биографии и творчества Чжао Жуя, – Ян Цзылинь (杨子林) и Шэнь Ицзюнь (沈亦军). Согласно их наблюдениям, начиная с 80-х гг. прошлого века, к 2002 г. в КНР появилось около десяти различных вариантов издания трактата [Ян Цзылинь, Шэнь Ицзюнь, 2004. С. 5–7]. Хубэйским народным издательством (湖北人民出版社) была издана книга под названием «Канон стратегического искусства» (权谋经) под редакцией Лю Гоцзяня (刘国建), которая, по сути, также является переводом основной части трактата Чжао Жуя. В предисловиях к изданиям 2009–2011 гг. трактат часто называют «руководством по теории эффективного управления и составлению стратегий». Такая реклама может вызвать недоумение у неискушенного читателя, особенно если он решит найти в трактате «рецептурную часть», сходную с находящимся до сих пор на пике популярности трактатом «36 стратегий». Для такой интерпретации есть основания и в тексте самого памятника, и в комментаторской традиции. «Искусством соотносить неизменное и изменчивое, контролировать механизм власти, осуществлять путь государя и путь гегемона» называл трактат минский автор Шэнь Синьминь (沈新民), написавший к нему предисловие.

В авторском предисловии к трактату Чжао Жуй описывает причину, из-за которой взялся за создание этого произведения: «Боюсь, что ученые умники, ограниченные тем, что успели выучить, не знают разницы между путем государя и путем гегемона, поэтому я и взялся описать искусство уравнивать длинное и короткое (другие варианты: достоинства и недостатки, преимущества и затруднения. – Т. 3.), чтобы при помощи незыблемого управ-

лять случайным» [Чжао Жуй, 1997. С 3]. Можно предположить, что мотивы для создания трактата у Чжао Жуя были гораздо сложнее – у него был не менее прославившийся земляк, оставивший о себе недобрую славу надолго благодаря своему коварству. Речь идет о Ли Ифу, с именем которого связана формулировка стратагемы «В улыбке прятать нож».

Как источник, в котором описывается стратагемное мышление, трактат Чжао Жуя в наше время впервые проанализировал авторитетнейший во всех странах, где говорят по-китайски, исследователь и знаток китайской традиционной культуры Нань Хуайцзинь (南怀瑾) в курсе лекций, изданных под названием «Опыт истории». Свой анализ стратагемной теории Чжао Жуя Нань Хуайцзинь начинает с того же содержательного фрагмента трактата, что и император Хунли свое стихотворение – «рассуждения о спасении от пороков-злоупотреблений (弊)».

По ходу дела поясним и смысл второй строчки «любовь и ненависть – результат борьбы профессий, как у ремесленников и оружейников». Это почти прямая цитата из авторского предисловия к трактату, в котором Чжао Жуй поясняет, что изначально человек не стремится творить зло, к этому его вынуждает комплекс самых разных социальных обстоятельств, таких как состояние общества, требования, предъявляемые к статусу и профессии, и т. д. Один из самых важных социальных факторов – статус ключевой позиции в тех или иных исторических обстоятельствах – определил и структуру всего трактата. Чжао Жуй выделяет три такие позиции – правителя, чиновника и полководца.

Пороки-злоупотребления и вред от них описываются в третьем свитке, главе тринадцатой – «Обратная сторона постоянного» (反经). Как это ни парадоксально звучит, к порокам-злоупотреблениям Чжао Жуй относит ценностные константы китайского общества, показывая, что доведенные до предела, они превращаются в свою прямую противоположность. Такими базовыми ценностными константами он считает человеколюбие (仁), долг (义), этикет и ритуал (礼), развлечения (乐), стремление к славе (名), законы (法), наказания (刑), награды (赏). По мнению Чжао Жуя, в процессе социальных трансформаций проявление человеколюбия может превратиться в эгоизм, долг – в создание фальшивой видимости, этикет и ритуал – в леность и косность, развлечения – в распушенность, стремление к славе – в высокомерие, соблюдение законов – в изворотливость в стремлении их нарушить, наказания – в произвол, стремление получить награду – в беспочвенную конкуренцию. Именно подобный социальный релятивизм и диалектический подход к фактам как к меняющимся позициям социальной реальности демонстрируется и в главе «За и против», отрывки из которой цитировались выше.

Основой для развития, совершенствования и применения диалектического метода к анализу социальной действительности для Чжао Жуя послужили принципы, описывающие относительность и двойственность любого явления, сформулированные в более ранней традиции. В первую очередь это наивная диалектика «Книги перемен», описывающая процессы и события в категориях *инь* и *ян*. К социальным процессам и явлениям одним из первых подобные принципы применил философ, живший в период Чуньцю в царстве Цзинь, которого звали Ши Мо (史墨), считавший, что «каждая вещь рождена с двойственной природой» (物生有两) и «нет постоянной позиции ни у государя, ни у подданного» (君臣无常位).

Для эффективного использования диалектического подхода при конструировании эффективной стратегии и создания действенных стратагем необходимы дополнительные теоретические допущения. Стратагемное мышление – это такой тип мышления, который актуализируется в ситуациях, когда нельзя действовать грубыми и примитивными силовыми методами, либо когда планируется большая, чем представляется обыденному сознанию, выгода. Еще в «Военном искусстве Сунь-цзы» говорится, что «самое лучшее – разбить замыслы противника, на втором месте по эффективности – разбить его союзы, на третьем – победить неприятельскую армию, а самая плохая стратегия – осадить крепости». Для своей модели теории стратагемного мышления Чжао Жуй задает масштабные социальные рамки, выраженные в принципе «Поднебесная не принадлежит одному человеку, Поднебесная принадлежит всем людям». Суть этого принципа он поясняет на конкретных примерах: «Владеть Поднебесной, все равно, что добыть зверя на охоте, когда мясо зверя делится на всех. Если все наплывут на одном корабле, все одновременно получают от этого пользу, если корабль утонет – беда

тоже будет общей». Иначе говоря, для эффективной реализации стратегического мышления необходимы достаточно широкие рамки представлений, далеко выходящие за пределы личных интересов.

Еще один важный элемент концепции стратегического мышления Чжао Жуя – принцип, заимствованный из военной философии «изменяться согласно требованию момента» (随时变通). Именно благодаря новому осмыслению категории времени становятся возможными прогнозирование и моделирование, без которых создать стратегию невозможно.

Список литературы

Завьялова Т. Г. «Канон о сокровенном Чжао Жуя» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 2: Востоковедение. С. 31–39.

赵蕤. 反经/ 陈伉译. 北京: 中国言实出版社, 2004. (Чжао Жуй. Фаньцзин / Под ред. Чэнь Канъи. Пекин: чжунго яньши чубаньшэ, 2004. 480 с.)

赵蕤. 反经/ 陈伉译. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1997. (Чжао Жуй. Фаньцзин / Под ред. Чэнь Канъи. Хухэуото: нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1997. 891 с.)

南怀瑾. 历史的经验. 山海: 复旦大学出版社, 2003. (Нань Хуайцзинь. Опыт истории. Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2003. 662 с.)

周斌. 《长短经》校证与研究. 成都: 巴蜀书社, 2003. (Чжоу Бинь. Критика текста и исследование «Чжан дуань цзин». Чэнду: башу шушэ, 2003. 770 с.)

杨子林, 沈亦军. 赵蕤及其《长短经》研究 (Ян Цзылин, Шэнь Ицзюнь. Исследования Чжао Жуя и его трактата «Чжан дуань цзин». Чэнду: Синань цзяотун дасюэ чубаньшэ, 2004. 481 с.)

Материал поступил в редколлегию 30.01.2012

Tatyana G. Zavyalova

ZHAO RUI'S STRATAGEM THEORY

A social-philosophical conception of Zhao Rui, the Tang dynasty thinker, is analyzed in the article. Social relativism and dialectical method are fundamental for Zhao Rui's philosophical doctrine. The article shows his methodology of analyzing the historical events taken as examples for creation and use of stratagems by Chinese rulers. His philosophical views include an integral complex of value representations which became a philosophical and intellectual foundation to form the strategical thinking later on.

Keywords: Zhao Rui, strategical thinking, dialectical method.